

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

**И.П. Михайлова,
О.С. Лукьянчикова**

Любовная лирика Лидии Шелест: культурно-исторический аспект

В статье рассматривается любовная лирика курской поэтессы Л. Шелест (1901–1986), представляющая собой единую философскую и художественную концепцию, отражающую миропонимание автора, основанное на жизнеутверждающем начале. Исследование направлено на выявление поэтической индивидуальности Шелест, отразившей духовный мир женщины конкретного исторического периода.

Ключевые слова: любовная лирика; Лидия Шелест; лирическая героиня.

В русскую любовную поэзию XX в. вписал свои страницы. Среди авторов, по единодушному признанию критиков и читателей, особое место принадлежит женщинам-поэтам. Женское поэтическое творчество, как отметила И.Д. Шевеленко, «действительно стало одной из ярких примет русской культурной истории 1910-х годов» [9: с. 63]. Полагаем, что эту оценку вполне можно отнести и к литературному процессу последующих десятилетий XX в. Именно поэзия стала тем жанром, который позволил женщинам-поэтам отразить личностный опыт и грани внутреннего мира, а также показать коренные изменения сознания, которые происходили в определенной культурно-исторической обстановке.

Данная статья обращена к наследию Л. Шелест, талантливой поэтессы Курского края, в творчестве которой тема любви, являясь основополагающей, наполнилась новыми смыслами и оттенками. Впервые предпринята попытка к осмыслению в обозначенном аспекте поэзии Шелест, представляющей собой единую философскую и художественную концепцию, отражающую миропонимание поэтессы, основанное на жизнеутверждающем начале.

Лидия Анатольевна Шелест (1901–1986) была ровесницей века, ее жизнь «совпала с очевидными катастрофическими поворотами истории XX в. — противоречивого, невиданно жестокого и беспокойного, принесшего неисчислимые бедствия России» [3: с. 5]. В то же время, по справедливому замечанию А.Е. Кедровского, «охвативший буквально всех вихрь социально-политических страстей оказался все же не властен над исконными чувствами и переживаниями людей. Лирика природы, любви, порывы вдохновенья, жизни и смерти были вызваны не сиюминутной потребой, но отвечали природе человеческого характера в целом и опирались на поэтический опыт русской и зарубежной классики. Конечно, общая атмосфера времени преломилась и в звучании поэтического голоса» [6: с. 15].

Период творческой деятельности Л. Шелест включает в себя почти шесть десятилетий. За это время ее поэзия, меняя тональность, пережила определенную эволюцию, сохраняя при этом довольно устойчивые эстетические принципы, сформировавшиеся еще в начале литературного пути. Тема любви, как было уже отмечено, неизменная в поэзии Шелест, «развивалась не особняком», она впитала в себя жизненный путь поэтессы и отразила поступательное движение авторского чувства, позволила понять, как «преобразуется оно — становясь все глубже, серьезнее, философски сосредоточеннее» (Т. Максимова): от предчувствия и ожидания любви в ранних стихах («Я кого-то люблю, я кого-то люблю», «Побегу я погадать», «Тебе», «Гиацинты», «Я люблю тебя») до зрелого и осмысленного чувства в поэзии последних лет («Пенелопа», «Я жду», «Вот и снова весна», «Серебряная свадьба»). «Палитра» оттенков настроений у Шелест бесконечно многогранна. Здесь и девичьи наивные переживания — «Ты меня не балуешь улыбкой» [3: с. 206], и пророческие предчувствия — «Жизнь идет и с хищностью проворной, / Знаю, скомкает мою любовь» [3: с. 207], и самоотверженное ожидание «Моей разлуке — четверть века» [3: с. 226], и философски-оптимистичное — «Над смертью верх возьмет Любовь» [3: с. 458]. Необходимо отметить также, что в любовной лирике Шелест получили развитие особенности «поэзии женской души», на которые в свое время обратил внимание В. Ходасевич, как то: расположенность «к непосредственным излипаниям из области личных переживаний, значительность которых именно они склонны измерять степенью напряженности и правдивости; <...> неизбывный оптимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый умышленно, не без капризного оттенка» [8: с. 255]. Любовная лирика Лидии Шелест помогает безошибочно определить ценностные ориентиры поэта, его нравственные принципы, понимание смысла человеческой жизни, составляет представление о том, что для автора дорого и свято.

Вместе с тем любовная поэзия Шелест отображает духовный мир женщины конкретного исторического периода, в жизнь которой входила эпоха с победами и трагедиями, с верой и разочарованиями. Несомненно, преобразования, случившиеся в стране в начале XX в., не могли не сказаться на общественном и семейном положении женщины: «Произошло юридическое раскрепощение <...>, ее уравнение в правах с мужчиной во всех областях жизни. Советское законодательство, начиная с первых декретов, исходило из понимания брака как свободного и равноправного союза мужчины и женщины» [7: с. 461]. Таким образом, мир женщины уже не ограничивался только любовными или семейными отношениями, открылось широкое поле для деятельности и реализации своих способностей. Не случайно героиню Шелест манила «романтика смелых исканий», ей хотелось «быт по-новому кроить», не только «напоить, накормить, обласкать и утешить» любимого, но и «делить с ним и работу, и мысли», воплотить «дух дерзаний» и осуществить мечту — «тронуть вату белых облаков, броситься с крыла аэроплана и повиснуть

белым мотыльком...» [1]¹. Стихи поэтессы, рожденные в 1920-е гг., передали высокую степень эмоционального отношения к переменам в стране («Вместе с нашею страной / Нынче молодость бушует» [3: с. 153]) и активное участие в них автора («Петь о Родине счастливой, / Что же может быть чудесней?» [3: с. 154]), воплотили, по определению А.Е. Кедровского, «синтез личной жизни и общественных пристрастий» [6: с. 10]. И все-таки героическая романтика в «сплошной лихорадке буден» (В. Маяковский) не заслонила для лирической героини Шелест сопричастности к народной системе ценностей, утверждающей укоренившиеся в сознании русского человека приоритеты: счастье женщины в любви, семье, материнстве:

Я весною вошла в твой дом,
Мы уйдем из него втроем,
Дал ты дочке свои глаза,
Брови крепким узлом связал [3: с. 207].

Одной из зримых особенностей творчества Шелест, чертой поэтической индивидуальности является то, что в ее героине почти всегда узнается автор, его внутренний духовный опыт и реалии жизненного пути. Любовной поэзии Шелест присуща биографичность, что позволяет ей быть достаточно убедительной. Стихи поэтессы поэтапно отразили историю любви к главному человеку в ее жизни — мужу Борису Платоновичу Башилову (Юркевичу), ставшему адресатом авторских признаний. Стихи передали самые памятные моменты: встречу с любимым на Южном Урале (1928), счастливую семейную жизнь (в районах Крайнего Севера: 1930–1933, 1935–1938 гг.; в Курске: 1938–1940 гг.), расставание в Великую Отечественную и невозможность свидания с дорогим человеком после окончания войны. Строки стихотворений, носившие исповедальный характер, перекликались с дневниковыми записями поэтессы. Так, о первой встрече с будущим мужем Шелест оставила запись в своем дневнике «Страницы прошлого»: «Я увидела твои большие синие глаза, густые, густые черные брови с каким-то совсем особым изгибом, высокий лоб, и мое сердце сказала: “Он, только он, больше мне никого не надо”» [1]. И не раз в стихах своих она вспомнит «свет любимых синих глаз» («Ты меня не балуешь улыбкой», «Я весною вошла в твой дом», «Над лесами бушуют ветры»), в восторге сладостном, «когда гремит оркестр невысказанных чувств» («Как ты живешь?», «Не трогайте старые письма»), расскажет об общности личных и творческих интересов — «Мы вместе... сколько планов, дум... / Без ночи — светлые восходы» [3: с. 266], «Я с тобою привыкла делиться / И тревогой своей, и бедой» («Архангельск, пристань, пароходы...» [3: с. 467], «Песня о любви и мужестве», «Рождение сына», «Закипает белая пороша»), зародившихся во время их совместной журналистской работы, сохранит в душе память о десятилетии счастливой

¹ В рукописном дневнике Л. Шелест нумерация страниц отсутствует.

семейной жизни, «наполненной ликующей, всепобеждающей радостью взаимной любви и творчеством» [4: с. 4]:

Как мне не любить тебя, мой милый,
Если ты, над буднями паря,
Жадности к прекрасному и силы,
Так же, как и я, не растерял [3: с. 206].

Увлечение Шелест модернистской поэзией, типологически родственной ей в определенный период жизни и творчества, не могло не сказаться на ее любовных стихах. Отсюда в них характерные «интимность», опозитивирование обыденности жизни, аллюзии образов, сюжетов, названий текстов. Следует подробнее остановиться на стихотворении «Легкий белопарусный корабль» (1940), которое содержит философский подтекст осмысления неразрывности связи человеческих отношений и природы. Первая строфа — развернутая метафора. По мысли автора, именно так выглядит счастье:

Иногда мне кажется, что счастье —
Легкий белопарусный корабль... [3: с. 210].

Текст наполнен многочисленными образами идеального мира в духе романтической поэтики: «старые резные флюгера» или вопреки всему земному «розовые волны», «серебряные птицы», «травы голубые»:

Роща... Спят серебряные птицы
На ветвях деревьев, но каких?
Не во сне ли это все мне снится?
Бьет источник в травах голубых.
И плоды с деревьев неизвестных
Падают на золотой песок,
На губах их пряный, сладкий сок... [4: с. 211].

В традициях Н.С. Гумилева предстает неизведанный мир. В то же время это вполне оригинальный пейзаж яркого сновидения, где чувствуются вкусы и запахи заповедной страны. Героиня в своих грезах становится ребенком, и ее проводит к счастью тот самый челнок между миром сновидений и реальностью, который приобретает образ корабля. В целом именно мотив сна позволяет автору развернуть весь последующий романтически-фантастический сюжет. Сон раскрывает характер и внутренний мир автора, отражает его мировоззрение. Поэтесса воспроизводит фантастическую природу в словах, звуках, красках:

В желтые ладони берегов
Ручеек зажат. Испей воды!
Посмотри, к нему ведут следы.
Антилопы пили на рассвете,
И цветов измятых лепестки
На воде так нежны и легки
И плывут, как все плывет на свете [3: с. 211].

Но взгляд героини обращается к земной природе, она видит: «ручеек зажат», «следы» и «цветов измятых лепестки». Следы подразумевают чередование эпизодов сновидения, лепестки — символ его множества. Постепенно дробится взгляд героини. Покидая чудесную землю, она успевает осмыслить происходящее: «И плывут, как все на свете» — так человек познает движение и быстротечность времени. И вдруг:

...резным серебряным крылом
Головы моей коснулась птица,
Я проснулась... Вздогнули ресницы.
...Ты сидишь и пишешь за столом [3: с. 211].

Прерванный сон, сопровождающийся переходом в реальность, ничуть не пугает и не расстраивает героиню: ведь она видит своего любимого. Для нее словно продолжается мир чудесных сновидений: «Ты сидишь и пишешь за столом». Сновидение — один из распространенных мотивов, встречающихся в отечественной литературе и, в частности, в женской поэзии (А. Ахматова, З. Гиппиус, М. Цветаева, М. Лохвицкая). В данном случае сон выступает в качестве сюжета, помогающего сделать переход от действительности к эстетическому созерцанию. Так, лирическая героиня, уснувшая в начале развития действия, вновь просыпается при его завершении — возвращается к переживаниям обыденной жизни. Пережитое ощущение сопричастности к сакральному позволяет ей понять важное: любовь не перестает быть земным чувством. Таким образом, утверждая высокое значение любви, Шелест подчеркивает ее «живой» и реальный характер.

Для рассматриваемого нами произведения Л. Шелест «Десять лет» (1941), являющегося «переходным» от собственно лирического произведения к поэме, с традиционным циклическим построением «утрата – поиск – обретение», характерна верность теме: любовь — важнейшая часть женского бытия, вне ее нет жизни. В основе повествования, где «любовь и тревога живут между строчек», — герой и героиня. Лирическое «я» поэтессы и герой, прообразом которого является ее муж, становятся центром своеобразной поэтической мифологии, вбирающей размышления автора о жизни и смерти, о себе и вечности. Без высокопарности и пафоса Шелест говорит о земном искреннем чувстве:

Десять лет мы делили
И радость, и горе, и труд.
Никакие невзгоды не страшны
Нам были с тобой.
Нашу дружбу хорошую
Годы едва ли сотрут [3: с. 460].

Апогеем в поэме является болезнь лирического героя (депрессия: потеря интереса к жизни и привычной деятельности), ставшая серьезным испытанием для любящих, тем самым «порогом», через который «не так-то легко проплыть». Немаловажно отметить следующую особенность: обобщения в поэме

опираются на конкретные эпизоды (зарисовки) из жизни автора, в то же время реальное обретает силу образа. Внутренний мир героев, вбирающий целый спектр переживаний, передан через выразительные образы, наделенные содержательной емкостью: «подрезанные крылья», «чужие глаза» любимого, книги, «покрытые мягкою, пухлою пылью», «серые крылья бессонницы», «комнатный покой». Героиня поэмы верой в дальнейший совместный счастливый путь возвращает к жизни того, кто ей «так нужен и дорог»:

Дай мне руку... Мы с тобой на волю
К журавлям вернувшимся уйдем.
Мы пойдем с тобой по росным травам,
Под упругой свежестью ветров,
Если хочешь, повернем направо
И пойдем тихонько без дорог [3: с. 465].

Выздоровление любимого — главное обретение для лирической героини («Но показалось мне, / что я стала ужасно богата» [3: с. 467]), изменившее ее душевное состояние и восприятие мира: в этот миг «звезды стали ласковей», «стало легче работать, ходить и смеяться», «за спиной появились два легких крыла». Ей дорог домашний очаг, сохранение которого дает жизненный и творческий импульс, является залогом ее женской состоятельности, основным смыслом существования.

Великая Отечественная война переломила судьбу Л. Шелест: разделила любовь на «до» и «после». Как и многие русские женщины, Лидия Анатольевна в июле 1941 г. проводила мужа на фронт, потом в тревоге ожидала от него вестей. С этого времени тема войны на долгие годы стала главной в ее поэзии. Шелест написала около 50 поэтических текстов, среди которых наиболее яркие: «Полон», «Освобождение», «Набат... набат...», «Быль военных лет», «В неволе», «Матерям военных лет» и др. Война прочно вошла в женскую поэзию. В творчестве А. Ахматовой, О. Берггольц, В. Инбер, М. Алигер, В. Тушновой, Ю. Друниной поднимается целый спектр проблем, главная из которых — война несовместима с человеческой жизнью, противоречит женскому началу: она убивает Любовь. И как следствие — одиночество, несостоявшееся материнство, неистраченная нежность чувств... Нельзя не согласиться с суждением О.В. Гаврилиной, отметившей, что, «обращаясь к личному или общему прошлому, поэтессы затрагивают различные аспекты отношения к войне, заново ставят вопросы о ценностях человека, а также заявляют о необходимости помнить о произошедшей трагедии...» [5: с. 180]. Эту оценку с полным правом можно отнести к стихам Шелест, в поэтической интонации которых соединяется личный опыт человека, оказавшегося на оккупированной территории и узнавшего ужас войны «изнутри», с опытом многих людей военного поколения, когда «я» сливается с «мы». Но у Л. Шелест с войной и свои счеты: с ней связана личная драма. Шелест не дождалась мужа, Б.П. Башилова (Юркевича). Нет, он не погиб, но в силу обстоятельств возвращение на родину было

невозможно. И все-таки, вопреки всему, она ждала его 45 лет («Вся жизнь, как степь, — / Слилась в одну разлуку» [3: с. 223]):

Любовь и ожиданье! ...Боже, боже!
Какой прекрасный и смертельный яд! [3: с. 468].

Или:

Я жду тебя и не ломаю руки...
И нет тебя, а ты всегда со мной... [3: с. 203].

Мотив расставания, не литературного, а настоящего, будет сквозным в ее лирике. Сами за себя говорят заголовки произведений: «Я жду», «Вот и снова весна», «Воротись! Воротись! Приходи!», «Как же так?», «Если дом не забыл», «Надежду замело». Каждый миг ожидания, тревога и боль, вера и отчаяние — все нашло отражение в поэтических строках:

Что на свете тяжелей разлуки?
Не на год, не на два, а ...навек!
Думаю, и холодеют руки.
Снег идет... Какой холодный снег... [3: с. 344].

«Это почти полувековое беспримерное ожидание держало и сохраняло ее на белом свете в самые тяжелые, холодные и голодные, а порой и бессердечные годы, — писал в газете “Курская правда” журналист С. Малютин. — Помогало растить детей и внуков, отдавать душевное тепло не только родным, но и многочисленным друзьям, рождало необыкновенной проникновенности и красоты поэтические строки» [2: с. 22].

Любовь не могли убить ни годы, ни расстояния, навечно разделившие с любимым. О разлуке и ожидании встречи — стихотворение «Пенелопа». Не раз отмечалось, что ни одной женской судьбе не посвящено в мировой литературе столько произведений, сколько Пенелопе, имя которой стало символом верности. За ее двадцатилетним ожиданием Одиссея (его образ символизирует тоску по родине) скрывается сильное чувство. Не случайно именно с Пенелопой ведет диалог поэтесса:

— Давай соревноваться, Пенелопа...
— Ты шутишь, дорогая! Я была...
— Я знаю. И стройна, и синеока... [3: с. 229].

Это разговор двух подруг, современниц перед лицом вечности. Они беседуют в непринужденной свободной форме, словно нет между ними тысячелетий. Временные границы стираются, потому что женщины обсуждают вечную тему. По мысли автора, жертвенная верность — это позиция в борьбе с разлучницей-судьбой, безликой стихией жизни, которую олицетворяют символы — метель, буран, глухие ночи, противостоящие воссоединению любящих сердец:

Хочу и я судьбу свою сломить
Через метель, буран, глухие ночи [3: с. 229].

Но героиня стихотворения оптимистична, она верит в то, что на своем пути к встрече с дорогим человеком преодолеет стихию. Перед такой верой бессильна разлука и даже смерть («Над смертью верх возьмет Любовь»). Лирическая героиня в «Пенелопе», впрочем, как и другие героини Шелест, наделена поразительной силой чувства, способной влиять на судьбу любимого, оберегая его от бед и опасностей. Ее любовь взаимна, она источник жизни. Этими настроениями, светлыми переживаниями, которые приоткрывают мир женской души, пронизаны многие произведения поэтессы.

Итак, подводя итоги, следует сказать, что любовная лирика Л. Шелест с характерной для нее эмоцией — счастье разделенной любви — занимает важное место в литературной биографии поэтессы. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно целостно осветить обозначенный аспект ее творчества. Тем не менее проведенное исследование убеждает, что любовная поэзия Шелест, являясь скорее традиционной, чем оригинальной, выразила, с одной стороны, личные переживания автора, «самое интимное и чудесно-простое в себе и окружающем мире» (А. Ахматова), с другой — жизненные принципы и модель поведения лирической героини как культурно-исторического типа личности с точки зрения ценностно ориентированной авторской позиции.

Библиографический список

Источники

1. Дневник Лидии Шелест. Страницы прошлого. Личный архив С.Б. Юркевич. Папка № 3.
2. Малютин С. Лидия Шелест // Курская правда. 2015. № 133. С. 22.
3. Шелест Л.А. «Прислушайся к сердцу...»: стихотворения, поэмы. Курск: Л.Н. Резцов, 2012. 544 с.
4. Юркевич С. Кто судьбу мне придумал такую... // Городские известия. 2008. № 60. С 4–5.

Литература

5. Гаврилина О.В. Мотив памяти и забвения в женской военной поэзии 1940–1960-х гг. // Мотив в структуре художественного текста: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2016. С. 159–180.
6. Кедровский А.Е. Русская литература XX века: 1917–1930 годы: учеб. пособие. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 348 с.
7. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские / под ред. В.А. Александрова, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. 828 с.
8. Ходасевич В. София Парнок. Стихотворения. Петроград, 1916 // Ходасевич В. Собр. соч. Анн Арбор: Ардис, 1990. Т. 2. 319 с.
9. Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой. М.: НЛО, 2015. 448 с.

References*Istochniki*

1. Dnevnik Lidii Shelest. Straniczy' proshlogo. Lichny'j arxiv S.B. Yurkevich. Papka № 3.
2. *Malyutin S.* Lidiya Shelest // Kurskaya pravda. 2015. № 133. S. 22.
3. *Shelest L.A.* Prislushajsiya k serdczu...: stixotvoreniya, poe'my'. Kursk: L.N. Rezcov, 2012. 544 s.
4. *Yurkevich S.* Kto sud'bu mne pridumal takuyu... // Gorodskie izvestiya. 2008. № 60. S. 4–5.

Literatura

5. *Gavrilina O.V.* Motiv pamyati i zabveniya v zhenskoj voennoj poe'zii 1940–1960-x gg. // Motiv v strukture xudozhestvennogo teksta: sb. nauch. st. M.: MGPU, 2016. S. 159–180.
6. *Kedrovskij A.E.* Russkaya literatura XX veka: 1917–1930 gody': ucheb. posob. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta, 2002. 348 s.
7. *Pushkare'va N.L.* Zhenshhina v russskoj sem'e (XX veka) // Russkie / pod red. V.A. Aleksandrova, I.V. Vlasova, N.S. Polishhuk. M.: Nauka, 1999. 828 s.
8. *Xodasevich V.* Sofiya Parnok. Stixotvoreniya. Petrograd, 1916 // Xodasevich V. Sobr. soch. Ann Arbor: Ardis, 1990. T. 2. 319 s.
9. *Shevelenko I.D.* Literaturny'j put' Czvetaevoj. M.: NLO, 2015. 448 s.

I.P. Mikhailova,
O.S. Lukyanchikova

**Lydia Shelest's Love Poetry:
Cultural and Historical Aspects**

The article considers the love poetry of Kursk poet L. Shelest (1901–1986), representing a single philosophical and artistic concept which reflects the author's worldview based on a life-affirming beginning. The research aims at revealing Shelest's poetic personality, which reflects the spiritual world of a woman in a specific historical period.

Keywords: love poetry; Lydia Shelest; lyrical heroine.